

– s.7–18.

17. Stepanov Yu.S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip Prichinnosti // Yazyk i nauka konca 20 veka: sb. statej / Pod red. akademika Yu.S. Stepanova. M.: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995. – s. 35–73.

18. Uspenskij, B.A. Ego Loguens: Yazyk i inside and out // Text. vol. 10. 1990.

kommunikativnoe prostranstvo. – M.: Rossijsk. gos. gumanit. un-t, 2007.– 320 s.

19. Jakobson R. Raboty po poe'tike: perevody / Sost. i obshh. red. M.L. Gasparova. – M.: Progress, 1987.– 464 s.

20. Schiffrin D. The language of discourse: Connections

UDC 659.4

TO THE QUESTION ABOUT THE RELATIONSHIP OF THE TERMS «TEXT» AND «DISCOURSE» IN MODERN SEMIOTIC SCIENCE

Selezneva Larisa Vasilievna,

Candidate of Philological Sciences, Docent of Department of Russian Language and Literature of the RSSU (Russian state social University),
E-mail: loramuz@yandex.ru

Tortunova Irina Anatolievna,

Candidate of Philological Sciences, Docent of Department of Russian Language and Literature of the RSSU (Russian state social University),
E-mail: tortunova@yandex.ru

Annotation

The article provides an overview of the modern concepts dealing with the concept of «discourse» and «text» from the point of view of semiotics. The authors investigate different approaches to discourse and relate it to the text on the basis of linguistic criteria. The article shows the formation of discursive directions in terms of confrontation between formal and functional views on the nature of language. Semiotics is a science that contributed to the formation of definitions of discourse. In the framework of semiotics the text is presented in his immediate relationship and relationship with the discourse. Methodological basis for the research was the work of E. Benveniste, F. de Saussure, Mikhail Bakhtin, V. Milovidova, Y. Lotman, P. Galperin, E. Kubryakova, etc.

Key words:

discourse, text, semiotics, text linguistics.

УДК 330.101

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И «ЭКОНОМИКС»

Берсенёв Владимир Леонидович,

Институт экономики УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: colbers@bk.ru

Аннотация

Возрождение политической экономии как науки и учебного предмета требует уточнения понятийного аппарата и содержания данной дисциплины применительно к настоящему времени. В статье выявляются истоки самого термина «политическая экономия» и отмечаются основные особенности этой науки в период её формирования: сочетание теории с практикой, приверженность морально-этическим принципам, наличие идеологических установок. Доказывается, что и в XX веке политическая экономия сохраняла свой исследовательский потенциал, несмотря на доминирование «экономикс», и сохраняет своё значение в настоящее время как теоретическая база экономической политики.

Ключевые слова:

политическая экономия, теория, практика, идеология, «экономикс».

Своеобразный юбилей дефиниции – 400 лет с момента публикации Антуаном де Монкретьеном (1575/76–1621) «Трактата политической экономии» – предоставил повод для очередного осмысления места данного направления экономической мысли в системе экономических наук. В связи с этим 13–14 мая 2015 г. в Москве прошёл II Международный политэкономический конгресс «Возвращение политэкономии» (к 400-летию рождения имени), в работе которого довелось поучаствовать и автору.

В качестве центральной уже на пленарном заседании зазвучала мысль о том, что политическая экономия как отдельная наука

со своими задачами, методологией и методами исследования совершенно неоправданно была вытеснена на обочину экономического дискурса. В частности, председатель оргкомитета конгресса, д.э.н., профессор кафедры политической экономии МГУ (одной из немногих в стране!) А.В. Бузгалин представил целую программу возвращения политэкономии в образовательные программы. Другой докладчик, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой политической экономии и экономической политики Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) О.Ю. Мамедов выступил с лозунгом «Долой политэкономическое невежество!». В свою очередь, заведующий кафедрой политической экономии МГУ, д.э.н., профессор

А. А. Пороховский назвал политэкономия «королевой общественных наук», а академик НАН Белоруссии П. Г. Никитенко отметил «космопланетарный» характер политической экономии. Наконец, академик РАН А. И. Татаркин предложил рассматривать политико-экономическое видение общественного развития как основу научного моделирования экономической политики.

Разумеется, по ходу конгресса не обошлось без пикировки с представителями Высшей школы экономики, олицетворяющими не только в московских пределах, но и в масштабах всего российского научно-экономического сообщества пресловутую «экономикс». Сразу надо уточнить, что эта калька с английского термина, в переводе означающего экономическую науку (теорию), утвердилась в качестве самостоятельного понятия исключительно в отечественной академическо-вузовской среде. Более того, когда в начале 1990-х годов кардинальным образом менялись учебные программы подготовки экономистов, слово «экономикс», случалось, занимало своё место в расписании занятий (доводилось наблюдать лично. – *Б. В.*), а словосочетание «политическая экономия» воспринималось как нечто ретроградное и подлежащее остракизму. Сколько политэкономов-марксистов тогда в одночасье стали адептами «экономикс», история умалчивает, но факт остаётся фактом: противостояние «старого» и «нового» не обошло стороной даже терминологию.

В таком случае можно говорить об особой форме агона как символа соперничества, хотя те же философы далеко не всегда проясняют данный феномен достаточно определённо. К примеру, А. В. Яровой утверждает, что, с одной стороны, «противоречия возникают по поводу ценностей и, разрешаясь в результате агона, утверждаются в качестве основ общественной идентичности». С другой же стороны, по его мнению, «противоречивость множественности бытия не преодолевается в результате агона, а закрепляет на время определённый порядок господства...» [7, с. 37, 40].

Впрочем, всякий не-философ, не сомневаясь в значимости и первой, и второй версии участия агона в снятии каких угодно противоречий, способен заметить, что соперничество научных школ (не обязательно экономических) является

свидетельством агональности науки вообще. Более того, поскольку любая теория (концепция, доктрина и т. д.) выражается посредством соответствующим образом организованного и оформленного текста, то любую научную дискуссию можно представить в качестве проявления агонального дискурса. Вопрос лишь в том, насколько оправданным оказывается получаемый в итоге «определённый порядок господства» той или иной научной школы.

Отсюда и история противостояния политической экономии и «экономикс» – это пример агона, растянувшегося во времени и пространстве и сохраняющего свой соревновательный потенциал в перспективе. При этом, с изрядной долей условности (или шутки), первыми «политэкономиями» можно называть уже древнегреческих философов. По крайней мере, понятие «экономия» или «ойкономия» (греч. οἰκονομία, то есть «домохозяйствование», «домостроительство») впервые упоминается Ксенофентом (430–354 до н. э.), назвавшим «Οἰκονομικός» («Домострой») один из своих диалогов. Другой «Οἰκονομικός», не дошедший до наших дней, был написан Ксенократом (396–314 до н. э.). Для Аристотеля (384–322 до н. э.) и эллинистических философов конца IV – середины I в. до н. э. «экономия» уже была наукой. Кстати, хотя наиболее «политэкономична» у Аристотеля «Никомахова этика», он являлся также автором трактата «Πολιτικά» («Политика»), что не могло не повлиять на рождение термина «политическая экономия».

По крайней мере, наиболее распространённая версия предполагает, что А. де Монкретьен как знаток и поклонник античности просто соединил в определении новой науки названия двух известных произведений древнегреческих авторов. Вместе с тем на рубеже XVI–XVII веков нечто подобное уже высказывалось и другими европейскими мыслителями. В частности, Й. Шумпетер упоминает в числе «материалов, исключённых из рассмотрения» в «Истории экономического анализа», многотомный труд Иоганна Колеруса (1566–1639) под знаковым названием «Oeconomia ruralis et domestica» («Сельская и домашняя экономия») и «Sistema disciplinae politicae» («Система политических дисциплин») Бартоломео Кеккерманна (1573–

1609), включавшего в свою систему и «экономия», хотя и определявшего её в традиционном духе как «дисциплину о правильном управлении домом и семьёй» [6, с. 198]. В свою очередь, Г. Д. Гловели напоминает (со ссылкой на статью Дж. Кинга 1948 г.), что за четыре года до выхода из печати трактата А. де Монкретьена словосочетание «политическая экономия» употребил, пусть и не в заглавии, некий Луи де Маэрен Тюркэ [3, с. 74]. Однако не ему, а А. де Монкретьену суждено было войти в историю науки как автору термина «политическая экономия».

Вместе с тем известно, что в цензурном разрешении на печатание труда А. де Монкретьена трижды говорится «Livre intitulé: Traite oeconomique du Trafic», то есть «Книга, озаглавленная: Экономический трактат по торговле». Термин же «политическая экономия» встречается только на обложке, и больше на нём внимание не концентрируется. Возможно, уточнённое название трактата было подсказано автору кем-то из современников. В этом плане вполне объяснимым (но оправданным ли?) представляется утверждение Й. Шумпетера, что А. де Монкретьен является малозначительным автором XVII века, незаслуженно удостоенным бессмертия, а его трактат – книгой весьма посредственной и начисто лишённой оригинальности [6, с. 25, 213].

Кстати, агональность научного дискурса может сопровождаться порой невероятными сюжетами. Известно, что А. де Монкретьен вёл достаточно авантюрный образ жизни, периодически выступая то как драматург, то как дуэлянт, то как предприниматель. Дворянин, занимающийся бизнесом во Франции начала XVII века – явление достаточно экзотическое, но не в случае А. де Монкретьена. Пожив в изгнании (не того соперника убил на дуэли) на территории Англии и Нидерландов и познакомившись с зарубежными реалиями эпохи первоначального накопления капитала, будущий автор «Трактата политической экономии» по возвращении домой женился на вдове-гугенотке и принял деятельное участие в семейном предприятии. Более того, будучи католиком, он не отказал себе в удовольствии примкнуть к небольшому гугенотскому мятежу и погиб в бою. Как утверждала на конгрессе знаток биографии А. де

Монкретьена, к. э. н., доцент экономического факультета МГУ М. А. Слудковская, в этой схватке группе из шести повстанцев противостоял отряд из 20 королевских мушкетёров во главе с неким Тюрго – предком Анн Робера Жака Тюрго (1727–1781), автора трактатов «Размышления о создании и распределении богатства» и «Ценности и деньги». В них за сто лет до возникновения маржинализма был высказан ряд идей, предвосхитивших рождение теории предельной полезности и, впоследствии, «экономикс» как направления, заменившего политическую экономия в качестве mainstream'a экономической науки в XX веке. Так представители семейства Тюрго по-своему поучаствовали в данном агоне.

Специфика научных определений и терминов заключается в том, что их судьбу определяют не авторы, а логика познания и императивы исследовательской деятельности. Соответственно, несмотря на то, что после рождения термина «политическая экономия» был забыт на полтора столетия, пока Джеймс Стюарт (1712–1780) не выпустил в 1767 г. своё «Исследование о принципах политической экономии» («Трактат политической экономии» Жана-Батиста Сэя будет опубликован только в 1803 г., а первая кафедра политической экономии появится в колледже Haileybury в 1805 г.), новая наука состоялась и обрела некоторые отличительные черты. Разумеется, в кратком историографическом обзоре невозможно учесть все нюансы, но, по крайней мере, несколько характерных особенностей становления канонической версии политической экономии можно выделить.

Во-первых, для неё изначально была свойственна ориентация не просто на выявление общих закономерностей хозяйственной жизни, но и на выработку практических рекомендаций по проведению экономической политики. Уже у пионеров политической экономии – меркантилистов – встречаются соответствующие названия трактатов, например, у Томаса Мана (1571–1641) – «Богатство Англии во внешней торговле, или Баланс нашей внешней торговли как регулятор нашего богатства». Не менее определённо звучит название у Джона Ло (1671–1729) – «Деньги и торговля, рассмотренные в связи с предложением об обеспечении нации деньгами». Собственно, и Уильям Петти

(1623–1687) свой вариант трудовой теории стоимости сформулировал в «Трактате о налогах и сборах», ориентированном на решение вполне прагматичных задач.

Конечно, по мере усложнения анализа теоретико-методологическая составляющая в произведениях политэкономов XVIII–XIX веков начинает преобладать, что не отменяет приложения получаемых выводов к хозяйственным реалиям своего времени. В этом плане переключки двух определений – «политическая экономия» и «экономическая политика» – сохраняет своё значение как отражение процесса продвижения от теории к практике и в настоящее время.

Во-вторых, произведения классиков политической экономии XVII–XIX столетий содержат разного рода морально-этические оценки исследуемых ситуаций (вопрос о наличии либо отсутствии этико-социального компонента в экономической теории всерьёз был поднят в упоминаемой А.Б. Аткинсоном [8, с. 3] заочной дискуссии между Л. Роббинсом и Дж.М. Кейнсом лишь в 1930-х годах, что было бы трудно себе представить ранее). Отсюда в качестве проблемных экономистами-теоретиками той эпохи провозглашаются глобальные вопросы бытия. В частности, в рамках классической школы политической экономии искался ответ на вопрос «Как созданная трудом стоимость («богатство нации») распределяется между классами общества?». В этом смысле даже «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита (1723–1790) нельзя рассматривать как экономическое произведение в чистом виде. Известно, что А. Смит много лет преподавал нравственную философию, и с этих позиций как раз и следует воспринимать главный труд его жизни. Отсюда, кстати, неудивительно, что собственно экономический анализ присутствует в основном в первых двух частях (книгах) «Богатства народов» из пяти.

В-третьих, прагматизм в сочетании с моральными установками не мог не обуславливать идеологическую направленность трудов по политической экономии, что наиболее явственно стало проявляться уже в XIX столетии. К примеру, отнесённые Карлом Марксом (1818–1883) к числу «вульгарных» политэкономы первой половины XIX в. (Дж. Милль, Т.Р. Мальтус,

Н.У. Сениор и др.) уже стремились, скорее, не объяснить, а оправдать факт эксплуатации рабочих, а причины и источники возникновения доходов различных классов трактовали местами весьма своеобразно. К. Маркс также исследовал механизм производства и присвоения прибавочной стоимости отнюдь не ради академического интереса, а в контексте разработки идеологических установок нарождающегося рабочего движения.

Соответственно, возникновение и распространение маржинализма в последней трети XIX в. можно рассматривать не только как методологический прорыв в экономических исследованиях на микроуровне, но и как результат идейного противоборства с наследием классической школы политической экономии (трудовая теория стоимости) и, в частности – с марксизмом. Одним из лидеров австрийской школы маржинализма Ойгена Бём-Баверка (1851–1914) называли «буржуазным Марксом» не только потому, что он написал свой «Капитал» (точнее – «Капитал и прибыль»), но в том числе и за то, что его «психологическая теория процента» по-своему объясняла и оправдывала факт эксплуатации труда капиталом, выступая в качестве некоей противоположности теории прибавочной стоимости. Сюда же можно добавить и теорию предельной производительности труда и капитала Джона Бейтса Кларка (1847–1938), объяснявшего присвоение части вновь созданной стоимости капиталом экзотическим утверждением, что только продукт последней единицы труда определяет норму заработной платы [4, с. 274]. Впрочем, в данном случае приходится уже говорить не о политической экономии, а о пришедшей к ней на смену «экономикс» или о неоклассическом направлении экономической мысли.

В оправдание Альфреда Маршалла (1842–1924), с лёгкой руки которого термин «экономикс» стал у нас восприниматься без перевода, надо сказать, что он отнюдь не ставил целью предать забвению политическую экономию. Кстати, его главная работа «Principles of Economics» («Принципы экономической науки») начинается с более чем нейтрального утверждения:

«§ 1. Политическая экономия, или экономическая наука (*Economics*), занимается ис-

следованием нормальной жизнедеятельности человеческого сообщества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния» [5, с. 56].

Тем не менее, не только термин «политическая экономия», но и содержательная сторона экономической теории в традиционном понимании подверглись в первой половине XX века своеобразному остракизму, и в рамках «экономикс» выявление общих закономерностей процесса воспроизводства сменилось решением достаточно узкой проблемы рационального распределения ограниченных ресурсов. Лайонел Роббинс (1898–1984) вообще утверждал, что экономическая наука изучает человеческое поведение как отношение между целями и ограниченными средствами, имеющими альтернативное применение [9, с. 15].

Наиболее общее представление между старым и новым *mainstream*’ом экономической науки даёт следующая таблица.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика политической экономии и *economics*.

	Политическая экономия	«Экономикс»
Ведущая проблема	Распределение богатства, воплощённого в стоимости, между классами общества (теория доходов)	Рациональное распределение ограниченных ресурсов (теория фирмы)
Объект исследования	Общественные классы	Факторы производства
Предмет исследования	Производственные отношения	Экономическое равновесие
Масштабы анализа	Национальная экономика	Экономика предприятия
Ведущая категория	Стоимость	Предельная полезность
Основные методы исследования	Абстрактно-логический, метод поиска исторических аналогий и др.	Графический, экономико-математический и др.

Конечно же, нельзя утверждать, что тем самым «неоклассики» увели экономическую науку в область «новой схоластики». В рамках «экономикс» весьма успешно изучались проблемы частичного и общего равновесия, конкуренции и т. д., разрабатывались различные концепции предпринимательства и даже были заложены основы направлений экономической мысли, отвергающих базовые постулаты той же неоклассики, в частности – кейнсианства. Не следует также забывать об институционализме, «новой экономической истории» (клиометрике) и иных «боковых» направлениях экономической мысли

XX века, испытывавших в той или иной мере влияние и политической экономии, и «экономикс».

Наряду с этим доминирование «экономикс» на протяжении всего XX в. отнюдь не отменило факта параллельного существования политической экономии, причём не только в СССР. При этом и у нас в стране после Великой Октябрьской социалистической революции необходимость сохранения политэкономии как науки также ставилась под сомнение. Николай Иванович Бухарин (1888–1938) выражал достаточно распространённое мнение, заявляя в «Экономике переходного периода», что конец капиталистического общества будет концом и политической экономии («Относительность «категории» политической экономии становится ясной до полной очевидности») [2, с. 157]. Однако, по мере избавления от романтических иллюзий, советские идеологи и учёные-экономисты не только признали значимость политической экономии как базовой теоретической дисциплины в системе экономических наук, но и расширили её исследовательское пространство за счёт анализа

закономерностей строительства социализма.

Конечно же, сохранение в советской экономической науке термина «политическая экономия», равно как и неприятие термина «экономикс» (даже главный труд А. Маршалла издавался под искажённым названием «Принципы политической экономии»), предопределялось соответствующими идеологическими установками. Вместе с тем и на Западе в XX в. политическая экономия и как термин, и как наука оставалась инструментом в руках фрондирующих интеллектуалов. Конечно, особо следует сказать о Франции, где просто существует традиция

отторжения англоязычных терминов. Однако, если заглянуть в двухтомный учебник Раймона Барра (1924–2007) «Политическая экономия», то становится очевидным, что это отнюдь не франкоязычная версия «экономикс», хотя сам автор делает реверансы в сторону mainstream'a, утверждая: «Человеческая деятельность принимает экономический характер, когда ведётся борьба с редкостью материальных благ» [1, с. 10]. Впрочем, и англичанин Джеймс Эдуард Мид (1907–1995), отец-основатель агатотопии или экономики партнёрства, свой четырёхтомный учебник также предпочёл назвать «Principles of Political Economy» («Принципы политической экономии»).

Но, пожалуй, наиболее показательным примером неприятия «экономикс» именно в англоязычной среде являлась деятельность сторонников так называемой «радикальной политической экономии» (Г Шерман, Ф. Гордон, Р. Эдвардс и др.) При этом приходится признать, что, сложившись в 1960–1970-х годах в США, это направление так и не выработало какую-либо единую концептуальную базу своих исследований, сосредоточившись в основном на критике и капитализма, и социализма («политэкономия протеста и вызова»). Вместе с тем политэкономы-радикалы внесли свой вклад в анализ возникших в тот период новых явлений в развитии производительных сил, в социальной структуре западного общества и т. д.

Наконец, свою нишу среди школ и направлений современной экономической мысли занимает «новая политическая экономия», наиболее яркими представителями которой являются Джеймс Макгилл Бьюкенен (р. 1919) и Гордон Таллок (р. 1922). Однако, ориентируясь на изучение влияния политических процессов на особенности функционирования экономики, включая такие феномены, как коррупция, рен-тоориентированное поведение и т. п., они, скорее, тяготеют к теории и методологии неоинституционализма, а не традиционной политической экономии. Более того, в ряде случаев «новую политическую экономию» можно рассматривать как раздел политологии, нежели экономической науки (что не помешало Дж.М. Бьюкенену получить в 1986 г. премию им. Альфреда Нобеля по экономике).

Разнонаправленность творческих поисков необходимо только приветствовать, однако нельзя превращать дефиницию в фетиш, обесценивая подлинный смысл выражения «политическая экономия». Как утверждал Й. Шумпетер, развитие экономической науки проявляется не в смене доктрин, а в совершенствовании техники исследований [6, с. 7]. Соответственно, политическая экономия XXI века нуждается в обогащении не только теоретико-методологической, но и методической базы. Что же касается содержательной стороны рассматриваемого агона, то разработчики паспорта специальностей по экономическим наукам из Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации предложили изящный выход из ситуации. В области исследований под названием «Общая экономическая теория» последовательно расположились политическая экономия, микро- и макроэкономическая теории, то бишь «экономикс», а заодно и институциональная и эволюционная экономическая теория. Так что на уровне диссертаций агон плавно переходит в мирное сосуществование, однако дискуссии на II Международном политэкономическом конгрессе свидетельствуют, что шоу будет продолжено.

1. Барр Р. Политическая экономия. В 2-х т. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995.
2. Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М.: Политиздат, 1989. С. 94–176.
3. Гловели Г.Д. Исторические лабиринты политической экономии: заметки по поводу неочевидного юбилея // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 73–81.
4. Кларк Дж.Б. Распределение богатства. М.: Гелиос АРВ, 2000.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I. М.: Прогресс, 1993.
6. Шумпетер Й. История экономического анализа: В 3-х т. Т. 1. СПб.: Экономическая школа, 2001.
7. Яровой А.В. Агональность как стремление бытия быть // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4. С. 35–41.
8. Atkinson A.B. Economics as a Moral Science. York: The University of York, 2008.
9. Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. L.: Macmillan, 1935.

1. Barr R. Politicheskaya ekonomia. V 2-kh t. T.1. M.: Mezhdunarodnye otnoshenia, 1995.
2. Bukharin N.I. Ekonomika perekhodnogo perioda // Bukharin N.I. Problemy teorii i praktiki sotsializma. M.: Politizdat, 1989. S. 94–176.
3. Gloveli G.D. Istoricheskie labirinty politicheskoi

- ekonomii: zametki po povodu neochevidnogo yubileya // Voprosy politicheskoi ekonomii. 2015. № 1. S. 73–81.
4. Klark J.B. Raspredelenie bogatstva. M.: Gelios ARV, 2000.
 5. Marshall A. Printsipy ekonomicheskoi nauki. T.I. M.: Progress, 1993.
 6. Shumpeter J. Istoriya ekonomicheskogo analiza: V 3-kh t. T.1. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 2001.

7. Yarovoi A.V. Agonal'nost' kak stremlenie bytiya byt' // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. 2010. № 4. S. 35–41.
8. Atkinson A.B. Economics as a Moral Science. York: The University of York, 2008.
9. Robbins L. An essay on the Nature and Significance of Economic Science. 2nd ed. L.: Macmillan, 1935.

UDC 330.101

EVOLUTION OF THE ECONOMIC THEORY AS REFLECTION OF OPPOSITION BETWEEN POLITICAL ECONOMY AND «ECONOMICS»

Vladimir L. Bersenev

Institute of Economics,
Russian Academy of Sciences,
Ural branch,
doctor of historical sciences, professor,
Yekaterinburg, Russia,
E-mail: colbers@bk.ru

Annotation

Renewal of political economy as a science and an educational subject calls for improvement of definitions and its content according to present. The author analyses appearance of the term «political economy» and marks main characteristics of this science. Such as: combination of theory and practice, commitment to ethical principles, presence of ideological attitude. It is also proving that political economy kept its research potential in 20th century in spite of «economics» domination. And now it remains the theoretical basis of economic policy.

Key words:

political economy, theory, practice, ideology, «economics».